
La Comédiathèque
Окно напротив
Jean-Pierre Martinez
comediatheque.net

Текст этой пьесы можно скачать бесплатно.
Однако для любого публичного исполнения пьесы
необходимо предварительно получить разрешение автора.
Чтобы связаться с Жан-Пьером Мартинесом
и запросить разрешение на постановку его произведения:
https://comediatheque.net
https://jeanpierremartinez.net

Окно напротив

Жан-Пьер Мартинес

Перевод и адаптация на русский язык

К пожилому писателю, подумывающему о самоубийстве, неожиданно является молодая женщина, которая утверждает, что потеряла кота. Эта встреча изменит его жизнь...

Действующие лица

Александр

Мэдисон

© La Comédiathèque

Гостиная парижской квартиры, обставленной с богемной небрежностью. На небольшом письменном столе — старая пишущая машинка и несколько папок. Появляется Александр, писатель лет шестидесяти или старше, одетый с нарочитой непринуждённостью. В руках у него верёвка с петлёй. Он смотрит на потолок, взбирается на стул, пытаясь найти, за что закрепить верёвку. Не найдя подходящего места, слезает. С тяжёлым вздохом садится за стол, открывает ящик, достаёт пачку сигарет и берёт одну в рот. Но вместо того чтобы закурить, кладёт сигарету на стол и вынимает из ящика пистолет. Долго разглядывает его. В дверь тихонько стучат. Погружённый в свои мысли, Александр не слышит. Он приставляет дуло к виску. Стук повторяется, чуть громче. Александр по-прежнему не реагирует. Он медлит, словно не решаясь нажать на спусковой крючок. Закрывает глаза... И тут перед ним внезапно появляется молодая женщина. Это Мэдисон, студентка лет двадцати — тридцати, одетая довольно строго.

Мэдисон *(кричит)* — Нет!

От неожиданности Александр вздрагивает, вскакивает и направляет на неё пистолет.

Александр — Ни с места, или убью!

Мэдисон — Не стреляйте, умоляю вас!

Александр — Руки вверх!

Девушка тут же поднимает руки.

Мэдисон — Вот, видите, у меня нет оружия... А теперь, пожалуйста, опустите пистолет.

Убедившись, что девушка не представляет опасности, он опускает оружие.

Александр — Какого чёрта вы тут делаете? И вообще, как вы вошли?

Мэдисон — Я всё объясню... Только дайте отдышаться...

Александр — Вы с ума сошли! Я чуть от разрыва сердца не умер!

Мэдисон — Простите, дверь была приоткрыта, и...

Александр — И вы решили, что я приглашаю вас в гости?

Мэдисон — Нет, но...

Александр — Что вам надо? Ограбить меня? Поверьте, тут нечего брать.

Мэдисон — Я ваша соседка.

Александр — Из соседней квартиры? Ей восемьдесят лет...

Мэдисон — Я живу напротив, на этой же лестничной площадке... *(Показывает на воображаемое окно со стороны зрительного зала.)* Видите то окно? Это моя квартира.

Александр — Напротив? Там много лет никто не жил.

Мэдисон — Теперь живёт.

Александр — Ну и что?

Мэдисон — У меня пропал кот... Вы его случайно не видели? Может, даже приютили у себя... Если он тоже вошёл без приглашения...

Александр — Нет, не видел. Похоже, ваш кот воспитан лучше, чем вы.

Она выглядит очень расстроенной.

Мэдисон — Он пропал два дня назад. Я расклеила по всему кварталу объявления с его именем и фотографией. Не видели?

Александр — Я почти не выхожу из дома... И таких объявлений не читаю. Да и котов, признаться, плохо различаю в лицо...

Она проходит по комнате.

Мэдисон — Тофу! Тофу!

Александр — Что вы так орёте? Вам плохо?

Мэдисон — Его зовут Тофу.

Александр — Вашего кота зовут Тофу? Вы издеваетесь?

Мэдисон — Нисколько. А что такого?

Александр — Ладно. Ваш Тофу два дня не возвращается домой. Не такая уж катастрофа, согласитесь?

Мэдисон — Ещё какая! Если я скоро его не найду, он умрёт... Это домашний кот, понимаете? Он не приспособлен к жизни на улице.

Александр — Как печально. В моё время коты жили в деревнях. Ну или в больших садах. Ловили мышей и возвращались домой, только когда охота не удавалась: поесть, получить свою порцию ласки и поспать на диване.

Мэдисон — Мой кот мышей не ест. Он вегетарианец.

Александр — Что, простите?

Мэдисон — Я не ем мяса, и он тоже.

Александр — А чем же он питается?

Мэдисон — Сухим кормом! С овощами. Я сама такое ем.

Александр — Вы тоже едите кошачий корм?

Мэдисон — Иногда. Только не кошачий корм, разумеется.

Александр — Кот-вегетарианец... Не знал, что такие существуют. Поэтому вы и назвали его Тофу?

Мэдисон — Да... И ещё потому, что он у меня немножко чокнутый.

Александр — Полагаю, отказаться от мяса он решил сам, по убеждениям?

Мэдисон — Во всяком случае, он ни разу не пожаловался.

Александр — А тигров и львов в цирке теперь тоже кормят овощными гранулами?

Мэдисон — Не знаю... Я вообще против животных в цирке.

Александр — Но не против котов, запертых в квартире...

Мэдисон — Похоже, у вас нет домашних животных.

Александр — Нет. Меня раздражает сама идея домашнего животного. Да и приручения вообще. *(Угрожающе.)* Я сам до сих пор дикий зверь.

Нисколько не испугавшись, она оглядывает комнату.

Мэдисон — Значит, моего кота вы не видели?

Александр — Нет, вашего кота-вегана я не видел. И, если позволите, наш нелепый разговор пора заканчивать.

Она вдруг замирает.

Мэдисон — Тихо!

Александр — Что вы сказали?

Мэдисон — Вы не слышали мяуканья?

Александр — Мяуканья? Нет. Впрочем, я начинаю глохнуть. Доживёте до моих лет — узнаете: у этого есть и преимущества. Особенно если соседи шумные.

Мэдисон — Я совсем не шумлю, уверяю вас. Я больше месяца живу прямо напротив, а вы даже не заметили, что квартира уже занята.

Александр — Согласен, не заметил. И надеюсь, так будет и дальше. Если больше вам нечего сказать, позвольте мне заняться своими делами, а вам — продолжить поиски кота.

Мэдисон — Хорошо, не буду вам больше мешать...

Александр — Благодарю.

Она делает вид, что уходит, но останавливается.

Мэдисон — Только... мне как-то не по себе оставлять вас в таком состоянии.

Александр — В каком ещё состоянии?

Мэдисон — Ну... когда я вошла, вы собирались...

Александр — Что?

Мэдисон — Вы выглядели не очень хорошо, правда?

Александр — С чего вы взяли?

Мэдисон — Вы приставили пистолет к виску.

Он с удивлением смотрит на пистолет, который всё ещё держит в руке.

Александр — А, это... И что?

Мэдисон — Мне кажется, вы немного... подавлены.

Александр — Подавлен? Послушайте, барышня, когда я был в вашем возрасте, наш девиз был: «Живи быстро, умри молодым и оставь после себя красивый труп». Слышали?

Мэдисон — Джеймс Дин...

Александр — Мы занимались сексом без презервативов, ездили на мотоциклах без шлемов и употребляли всякие запрещённые вещества, состава которых, поверьте, никто не знал... А через пятьдесят лет немногие уцелевшие старики моего поколения выходят на демонстрации, потому что боятся прививок! И вы спрашиваете, отчего я впал в уныние?

Мэдисон — Понимаю...

Александр — Сомневаюсь. Но если вам не повезёт дожить до моих лет, поймёте. Старость — это кораблекрушение.

Мэдисон — Де Голль...

Александр — Шатобриан, французский писатель, сказал это ещё раньше де Голля... Но вы правы: стареть — значит пройти путь от «Бунтаря без причины» до «Замогильных записок».

Мэдисон — Красиво сказано.

Александр — Да... Беда в том, что сегодня молодые уже ведут себя как старики.

Мэдисон — Но молодёжь всегда хотела изменить мир, разве нет?

Александр — Нынешняя молодёжь хочет не изменить мир, а спасти планету. И, похоже, у неё ничего не выйдет.

Мэдисон — А вам удалось изменить мир?

Александр — Нет. Зато мы здорово повеселились.

Мэдисон — Сейчас вы что-то не очень веселитесь...

Александр — Вы, похоже, тоже. Иначе не состояли бы в отношениях с котом.

Мэдисон — По крайней мере, я не одинока.

Александр — И вы серьёзно думаете спасти планету, заставляя несчастного хищника, которого никто не спрашивал, есть овощной корм?

Мэдисон — Не знаю... Но прежде чем менять мир, надо спасти планету, правда? Какой смысл устраивать революцию на «Титанике»?

Александр — Как бы то ни было, я завидую тем из моего поколения, кто умер до тридцати. Представляете Джими Хендрикса и Дженис Джоплин в доме престарелых: спорят о вреде прививок между двумя партиями в «Скраббл»... Уж лучше умереть, чем такое увидеть.

Мэдисон — Не говорите так...

Александр — К сожалению, литература — не рок-н-ролл. Писатели чаще всего умирают в собственной постели.

Мэдисон — Вы писатель?

Александр — Не ваше дело... Не понимаю, зачем вообще я с вами обо всём этом разговариваю. Мы ведь незнакомы. И почему вы всё ещё здесь?

Он убирает пистолет в ящик.

Мэдисон — Вы могли пораниться...

Александр — Я мог и вас застрелить. Врываясь в чужой дом, надо быть готовой ко всему. Я бы заявил, что защищался, и меня даже не осудили бы... *(Она слегка пошатывается. Он замечает и тревожится.)* Вам нехорошо?

Мэдисон — Простите, сейчас пройдёт... У вас найдётся стакан воды?

Он колеблется.

Александр — Присядьте на минутку. Я принесу.

Он выходит. Она мгновенно оживляется и осматривает комнату. Берёт со стола фотографию женщины в рамке, разглядывает её и торопливо ставит обратно, когда он возвращается со стаканом воды.

Мэдисон — Спасибо...

Она берёт стакан и выпивает воду залпом.

Александр — Полегчало?

Мэдисон — Да, спасибо.

Он старается смягчить тон.

Александр — Простите за такой приём... Я уже отвык от гостей.

Мэдисон — Значит, вы тоже живёте один?

Александр — Это так заметно?

Мэдисон — Судя по тому, что вы говорите, детей у вас тоже нет.

Александр — Почему вы решили, что у меня нет детей?

Мэдисон — А разве есть?

Александр — Нет... И когда я смотрю, что творится в мире, радуюсь, что их у меня нет.

Мэдисон — Понятно...

Александр — Если хотите спасти планету, может, для начала перестать рожать детей?

Мэдисон — Но если люди перестанут рожать детей, как мы спасём человечество?

Александр — И подумать только, Франция, наверное, одна из лучших стран для жизни...

Мэдисон — Вот почему я и решила поселиться в вашей стране.

Александр — Вы не француженка?

Мэдисон — Меня зовут Мэдисон. Я американка.

Александр — А говорите по-французски безупречно. И без всякого акцента.

Мэдисон — Моя бабушка — француженка. Она научила меня языку Мольера. А я приехала в Париж изучать литературу в Сорбонне.

Александр — Значит, то, что сегодня наши пути пересеклись, — чистая случайность... Мэдисон.

Мэдисон — А вас зовут Александр, верно?

Александр — Откуда вы знаете?

Мэдисон — Прочла фамилию на почтовом ящике внизу: Александр Делакруа... Вы родственник?..

Александр — Художника? Нет, никакого отношения.

Мэдисон — Я хотела сказать — писателя!

Александр — Надо же. Американка знает Александра Делакруа, которого во Франции уже все забыли.

Мэдисон — Вы преувеличиваете. Александра Делакруа знают далеко за пределами Франции. По крайней мере, люди, которые интересуются литературой. Ну так что?

Александр — Да... Это я.

Мэдисон — Неужели? Тот самый Александр Делакруа, легендарный автор нескольких шедевров литературы двадцатого века!

Александр — Если вы так считаете...

Мэдисон — Загадочный писатель, который давно живёт затворником, много лет ничего не публикует и никому не даёт интервью... Это действительно вы?

Александр — А мне почему-то кажется, вы знали это ещё до того, как ворвались в мою квартиру. Я ошибаюсь?

Она немного колеблется.

Мэдисон — Нет, признаюсь...

Александр — Значит, историю с котом вы выдумали, чтобы взять у меня интервью?

Мэдисон — Кот действительно пропал, клянусь! Но, когда я поселилась напротив, у меня и правда была одна мысль.

Александр — Вы нарочно сняли квартиру напротив, чтобы следить за мной?

Мэдисон — Следить? Ни в коем случае! Я восхищаюсь вашими книгами. Приехав в Париж, я попыталась с вами связаться. Но ваш литературный агент передал, что вы никого не принимаете.

Александр — И какая часть этой фразы осталась вам непонятна?

Мэдисон — Я пересекла Атлантику в надежде встретиться с вами. Искала жильё, увидела свободную квартиру напротив вашей и тут же её сняла.

Александр — Вы совсем ненормальная! Если не оставите меня в покое, я заявлю в полицию о преследовании. И что вам вообще от меня нужно? Вы журналистка?

Мэдисон — Я студентка, я же сказала. В Нью-Йорке я написала дипломную работу о ваших романах. А потом приехала продолжить исследования в Париже: действие большинства ваших книг происходит здесь. Для американцев Париж — самый романтичный город на свете.

Александр — И вы думаете, такие банальности помогут вам раскрыть тайный смысл моих произведений?

Мэдисон — Хотите узнать название моей диссертации?

Александр — Нет.

Мэдисон — «Образ отсутствия в художественном мире Александра Делакруа».

Александр — Вы попали в точку. Больше всего в людях, особенно в вас, я ценю их отсутствие. Поэтому и прошу вас уйти.

Мэдисон — Когда исследуешь творчество живого писателя, естественно хотеть с ним встретиться. Узнать его получше. И, познакомившись с его жизнью, глубже понять книги.

Александр — Большая ошибка, поверьте. Лучше изучать произведения, ничего не зная об их создателе. Многие великие писатели в жизни были людьми ничтожными. А то и последними подлецами. Это относится и к художникам, и к учёным. Гениев редко стоит узнавать поближе... Хотя, успокойтесь, себя я гением не считаю.

Мэдисон — Ценю вашу скромность, но всё же... Эксклюзивное интервью с автором «Хроник Латинского квартала» стало бы венцом моей работы.

Александр — Вы читали этот роман?

Мэдисон — Именно этот роман убедил меня приехать учиться в Париж. По-моему, это ваша лучшая книга.

Александр — Хотя продавалась она хуже остальных.

Мэдисон — Подозреваю, роман во многом автобиографичен.

Александр — Повторяю: читателю совершенно незачем знать об этом.

Мэдисон — И потом, ходят слухи о загадочной рукописи, над которой вы трудитесь уже много лет...

Александр — Я ничего не пишу. Это миф, который поддерживает мой издатель, чтобы обо мне окончательно не забыли и старые книги ещё хоть немного продавались. Как бы то ни было, интервью я не дам. Ни вам, ни кому бы то ни было. *(Угрожающе приближается к ней.)* А теперь вон!

Но вместо того чтобы уйти, она стоит на своём.

Мэдисон — Нет!

Его удивляет её решимость.

Александр — Что значит «нет»?

Мэдисон — Я не позволю вам покончить с собой, пока вы не дадите мне интервью. Ради него я готова была бы переплыть Атлантический океан!

Александр — Хотите — возвращайтесь домой на водном велосипеде. Меня это не касается.

Она снова готова потерять сознание.

Александр — Вы уже второй раз падаете в обморок у меня на глазах... Перечитали любовных романов, барышня. В наше время, кроме как на театральной сцене, женщины уже не падают без чувств при каждом возражении.

Мэдисон — Я не притворяюсь, уверяю вас.

Он колеблется.

Александр — Вызвать скорую?

Мэдисон — Нет, мне просто нужно немного посидеть.

Александр — И потом уйдёте?

Мэдисон — Обещаю.

Она садится, переводит дух.

Александр — Стакан воды я уже давал... Может, коньяка?

Мэдисон — Хотите меня добить?

Александр — Увы, момент упущен. Надо было сразу вас пристрелить, тогда сошла бы самооборона. А теперь умысел не скроешь.

Мэдисон — Зачем вы держите дома пистолет?

Александр — Поначалу — чтобы отпугивать назойливых посетителей. Как видите, помогает плохо.

Мэдисон — Пусть вы и немного мизантроп, как многие писатели... Всем ведь нужно человеческое общение, правда?

Александр — Сейчас предложите завести кота. Хотите избавиться от своего?

Мэдисон — А одиночество вас не тяготит?

Александр — Одиночество как кофе. Сначала горько. Потом привыкаешь. Затем начинаешь получать удовольствие. А в конце концов уже не можешь без него жить.

Мэдисон — Вам бы издать сборник афоризмов. Уверена, он бы отлично продавался.

Александр — А что значит «не быть одному»? Жить с кем-то и годами повторять одни и те же банальности? Иногда видеться с роднёй и друзьями, старательно обходя все важные темы, из-за которых можно поссориться? Обсуждать погоду с соседями на лестнице? Разговаривать с котом, делая вид, будто он вас понимает?

Мэдисон — Но ведь когда вы пишете, вы обращаетесь к кому-то.

Александр — Вот именно поэтому я и перестал писать.

Мэдисон — Не верю.

Александр — И не надо. Просто оставьте меня в покое.

Мэдисон — Значит, интервью не будет?

Александр — Мне больше нечего сказать. Хуже того, мне уже не с кем разговаривать. А иногда не хочется даже говорить с самим собой.

Мэдисон — Это грустно...

Александр — Такова жизнь. Моя, во всяком случае, так или иначе близится к концу.

Мэдисон — Возможно, моя тоже...

Александр — Вы моложе меня лет на сорок. Я мог бы быть вашим отцом.

Мэдисон — Или даже дедушкой.

Александр — Благодарю за уточнение. Очень любезно. В любом случае ваша жизнь только начинается.

Мэдисон — Да... Но она может очень скоро закончиться.

Александр — Что вы хотите сказать?

Мэдисон — У меня больное сердце. Врачи отводят мне всего несколько лет. А может, и месяцев. Поэтому я приехала во Францию осуществить последнюю мечту — встретиться с вами.

Её признание явно потрясает его.

Александр — Что значит «больное сердце»?

Мэдисон — У меня врождённый порок сердца. Оно слишком слабое. Может остановиться в любую минуту.

Александр — Поэтому вам и становится дурно?

Мэдисон — Стоит мне немного разволноваться, как сердце начинает бешено колотиться. И может остановиться.

Он ненадолго задумывается.

Александр — Только не говорите, что вы выдумали эту историю, чтобы я боялся вас расстроить и согласился на интервью.

Мэдисон — К сожалению, нет.

Александр — Мне очень жаль.

Мэдисон — Вы тут ни при чём.

Александр — Вот ирония. Я стар, мне ничего уже не хочется, собираюсь покончить с собой... А вы молоды, вся жизнь впереди — и вас предаёт собственное сердце.

Мэдисон — Я ничего не могу изменить. Так зачем бунтовать?

Александр — И при этом вы ещё улыбаетесь...

Мэдисон — Я думаю: может быть, оставшиеся мне месяцы станут самыми прекрасными в моей жизни.

Александр — От вашей жизнерадостности впору впасть в депрессию. Вы хоть иногда сомневаетесь?

Мэдисон — У меня больше нет времени на сомнения. Поэтому я и вошла без спроса.

Пауза.

Александр — И совсем никакой надежды?

Мэдисон — Есть. Пересадка сердца. Но сначала нужен донор...

Александр — Я мог бы отдать вам своё. Мне оно уже ни к чему. Покончу с собой и завещаю вам свои органы.

Мэдисон — Боюсь, с сердцем не всё так просто. Это не тот случай, когда у человека есть запасной орган: как почки или лёгкие...

Александр — Или яички...

Мэдисон — Для пересадки сердца донор должен находиться в состоянии смерти мозга.

Александр — Смерти мозга? Иногда мне кажется, что у меня она уже наступила. И у многих моих знакомых тоже.

Мэдисон — Донор должен быть мёртв, сердце — здоровым, и его нужно успеть быстро изъять. К сожалению, такое случается редко. А очередь на пересадку огромная.

Александр — Говорят, в Китае органы изымают у приговорённых к смерти. Очень удобно: сначала назначают день пересадки, а в тот же день казнят заключённого.

Мэдисон — Какой ужас!

Александр — Зато пациент успевает спокойно прилететь из Европы или Америки. Некоторые заодно осматривают достопримечательности. Конечно, услуга не бесплатная. Интересно, сколько стоит сердце в Китае? Вы не узнавали?

Мэдисон — Нет...

Александр — В интернете наверняка найдёте.

Мэдисон — Спасибо.

Александр — Простите. Не следовало шутить на эту тему. Тем более при вас. Хотя что нам ещё остаётся, кроме юмора?

Мэдисон — Да...

Александр — Даже если то, что я рассказал, совсем не шутка.

Мэдисон — Лучше умереть, чем жить с сердцем приговорённого к смерти. Даже с вашим... Ну так что?

Александр — Что — что?

Мэдисон — Неужели вы жестоко прогоните меня, не дав осуществить последнюю мечту?

Александр — Какая же вы упрямая.

Мэдисон — Сочту это за комплимент.

Александр — А откуда мне знать, что вы не врёте?

Мэдисон — Кто стал бы сочинять такое ради интервью с давно забытым писателем?

Александр — Наконец-то вы признали, что Александра Делакруа все забыли.

Мэдисон — Значит, вы согласны?

Александр — Когда покажете медицинские документы, подтверждающие вашу историю.

Мэдисон — Простите, у меня их с собой нет.

Александр — Вы живёте напротив. Сходите и принесите.

Мэдисон — Я надеялась, что вы поверите мне на слово. Признаться, вы меня разочаровали.

Александр — Если я соглашусь на интервью, это будет только начало ваших разочарований. Я вообще умею разочаровывать людей.

Она встаёт и рассматривает комнату. Её взгляд останавливается на старой пишущей машинке.

Мэдисон — Вы до сих пор пишете на машинке?

Александр — На ней написаны все мои романы. Но не пытайтесь меня подловить. Я же сказал, много лет ничего не пишу.

Мэдисон — Почему?

Александр — Слова — как бумажные деньги: если печатать их слишком много, они обесцениваются. Посмотрите на социальные сети. Каждый десять или двадцать раз в день делится своим драгоценным мнением на любую тему. Инфляция фальшивых денег, из-за которой настоящие потеряли цену. Слова больше ничего не значат.

Мэдисон — Людям не запретишь болтать. Раньше болтали в кафе, теперь — в социальных сетях. Но великие писатели, такие как вы, останутся всегда.

Александр — Великих писателей теперь не читают. Их цитируют. К месту и не к месту. Одни и те же фразы повторяют, пока не вытравят из них всякий смысл. Копировать и вставить стало проще, чем думать. А смайлики заменили чувства.

Мэдисон — Можно я процитирую вас в заключении диссертации?

Александр — Меня обвинят в элитарности. Скажут, будто я считаю, что говорить могут только избранные, а остальные должны молчать и слушать. Это неправда. Я считаю, что молчать должны все.

Мэдисон — И что вы предлагаете? Минуту молчания?

Александр — Не минуту. Целый год. Век. Тысячелетие молчания. Может, после словесного поноса, затопившего социальные сети, слова вновь обрели бы смысл.

Мэдисон — Любопытная мысль. Но говорят ещё, что вы перестали писать из-за несчастной любви.

Александр — Мало ли что говорят.

Мэдисон — И всё же вы не отрицаете.

Александр — Это ещё не значит, что слухи правдивы.

Она снова берёт фотографию со стола.

Мэдисон — Кто эта женщина на фотографии?

Александр — Не ваше дело.

Мэдисон — Красивая.

Александр — Даже если вы серьёзно больны, это не даёт вам права совать нос в мою личную жизнь.

Мэдисон — Я сразу заметила портрет, как только вошла. И почему-то лицо показалось знакомым.

Он забирает у неё фотографию, смотрит на неё и ставит обратно.

Александр — Женщина, которую я любил очень давно.

Мэдисон — Когда вы были хиппи?

Александр — По правде говоря, настоящим хиппи я не был. Новые идеи мне нравились, иногда я курил марихуану. Но при этом следил за здоровьем и уже думал о карьере. Писателю нужен определённый комфорт. Чтобы стать великим писателем, иногда приходится оставаться мелким буржуа.

Мэдисон — А она?

Александр — Она была свободной женщиной. Не думала о завтрашнем дне. Жила сегодняшним.

Мэдисон — Где вы познакомились?

Александр — На лестничной площадке. Она жила напротив, в вашей нынешней квартире. Вернее, делила её с друзьями, которые постоянно приезжали со всего света. Музыканты, художники... Это напоминало «Синий дом» из старой французской песни: туда мог войти кто угодно. Дверь никогда не запирали.

Мэдисон — И однажды она воспользовалась открытой дверью, чтобы уйти. Как мой кот...

Александр — Ей хотелось объехать мир. Испытать что-то новое, встретить новых людей. Обычная семейная жизнь тогда нас не привлекала. Её — уж точно.

Мэдисон — Но она вас любила.

Александр — Да. По-своему, наверное. Хотя не меня одного.

Мэдисон — Свободная любовь...

Александр — Мы не хотели жить как наши родители, и правильно делали. Вот только не знали, что придумать взамен, чтобы это продержалось подольше. Мы жили одним днём. Стареть не собирались. И те, кто не умер до тридцати, состарились весьма неудачно. Вы когда-нибудь встречали старого битника? Поверьте, жалкое зрелище.

Мэдисон — И вы отпустили её в путешествие одну...

Александр — Я не мог её удержать. И не имел права. Однажды утром она уехала.

Мэдисон — Куда?

Александр — В Афганистан. Сейчас звучит невероятно, но тогда для хиппи это было популярное направление. Гашиш продавался свободно и стоил копейки. Заработав за год во Франции, там можно было прожить целый год. И, конечно, всех манила таинственная Азия. Из тогдашнего Парижа Афганистан представлялся хиппи земным раем.

Мэдисон — А вы остались...

Александр — Я думал о будущем. И понимал, что моё будущее — не в Афганистане.

Мэдисон — Но могли бы поехать с ней. Из любви.

Александр — Конечно. Она, наверное, даже согласилась бы меня взять. Но она мечтала не о романтическом путешествии вдвоём, тем более не о свадебном. Поездка в Азию была своего рода посвящением. Путешествовали компаниями, подальше от мещанской мечты о любви на двоих.

Мэдисон — Так вы остались в Париже... но не смогли её забыть.

Александр — Я надеялся, что однажды она вернётся. Или хотя бы подаст знак. Пришлёт открытку... Но больше я её не видел.

Мэдисон — Не пытались найти?

Александр — Интернета тогда не было. Если человек решал исчезнуть из твоей жизни, он исчезал по-настоящему. А потом годы прошли...

Мэдисон — Можно попытаться найти её сейчас.

Александр — Зачем? Может, она уже умерла. Или вышла замуж, родила пятерых детей и весит сто двадцать килограммов.

Мэдисон — А может, она жива, по-прежнему прекрасна и иногда вспоминает о вас.

Александр — Лучше мне не знать и хранить в памяти девушку с этой фотографии. Представляете встречу через сорок лет? Собственного старения мы почти не замечаем, зато как стареют другие — видим прекрасно.

Мэдисон — Не уверена, что мне доведётся увидеть, как я старею.

Александр — Простите. Не стоило мне этого говорить.

Пауза.

Мэдисон — Вы не слышали мяуканья?

Александр — Нет. Всё ещё нет.

Мэдисон — Может, он где-то здесь спрятался...

Александр — Надеюсь, что нет.

Мэдисон — Обещайте, что если я умру, вы позаботитесь о моём коте.

Александр — Да не умрёте вы! И ваш кот, пожалуй, умрёт раньше вас. Хотя... сколько вообще живут коты?

Мэдисон — Лет пятнадцать.

Александр — А вашему сколько?

Мэдисон — Два года.

Александр — Понятно...

Мэдисон — Так вы согласны его взять?

Александр — Напоминаю: когда вы вошли, я стоял с пистолетом у виска.

Мэдисон — Вот именно. У вас появилась бы причина остаться в живых.

Александр — Чтобы кормить кота овощными гранулами и каждый день убирать его лоток, вы хотите сказать?

Мэдисон — Если бы вы заботились о ком-то, кому вы дороги, кто в вас нуждается и каждый вечер ждёт вашего возвращения домой...

Александр — Ждёт? Да я почти не выхожу из дома. Тем более по вечерам.

Мэдисон — Скажите, вы действительно хотели покончить с собой? Или просто звали на помощь?

Александр — Не припомню, чтобы я вас звал.

Мэдисон — Видимо, всё-таки услышала ваш призыв.

Александр — Да, мне всё труднее находить причины для надежды.

Мэдисон — Хотите поговорить об этом?

Александр — Учитывая ваше положение, мне неловко обрушивать на вас перечень причин моей депрессии.

Мэдисон — Продолжать борьбу, даже когда знаешь, что война проиграна... Разве не в этом настоящее мужество?

Александр — Я никогда не утверждал, что мужественный человек. Хотел бы я обладать вашей смелостью.

Мэдисон — Я не смелая. Просто выбора нет. В отличие от вас.

Александр — У меня? Мне осталось выбирать только между верёвкой и пистолетом.

Мэдисон — Вы правы... От вас и вправду впору впасть в депрессию.

Александр — Я предупреждал: я старый дурак. Не знаю, хуже ли сейчас, чем в моей молодости. Может, просто я стал лучше видеть реальность. А ясный взгляд на вещи редко добавляет оптимизма.

Мэдисон — Знаете, пожалуй, я выпью коньяку.

Александр — Вы уверены?

Мэдисон — От чего-нибудь всё равно придётся умереть.

Он наливает два бокала коньяка. Они чокаются.

Александр — За ваше здоровье! Простите, кажется, я опять ляпнул не то.

Она улыбается. Они выпивают.

Мэдисон — Мёртвого поднимет.

Александр — Я не пью уже лет десять. Даже не помню, сколько здесь стоит эта бутылка. Но спиртное с возрастом становится лучше, верно? В отличие от алкоголиков.

Мэдисон — Всё же вкус какой-то странный. Вы уверены, что это коньяк?

Он разглядывает бутылку.

Александр — Кажется... Впрочем, я уже забыл, какой у коньяка вкус.

Мэдисон — Хотела бы я знать вас молодым.

Александр — Каким молодым?

Мэдисон — Тем, кто любил женщину с фотографии. И у кого ещё была жажда жизни.

Александр — Не уверен, что он вам бы понравился.

Мэдисон — Наверняка он был полон надежд и энтузиазма.

Александр — Уж амбиций точно.

Мэдисон — У вас совсем не осталось друзей?

Александр — Я не выношу стариков, поэтому стараюсь избегать ровесников. Незачем каждый день смотреть в зеркало собственной дряхлости.

Мэдисон — Уверена, все эти годы вы продолжали писать.

Александр — Для этого и подлили мне спиртного? Чтобы я разговорился?

Мэдисон — Писатель не может не писать.

Александр — Хорошо, правда. Я продолжал писать. Но публиковать больше ничего не стану.

Мэдисон — Почему?

Александр — Я уже говорил. Пишу не для сегодняшних читателей. Разве что для будущих поколений. Нынешним мне нечего сказать.

Мэдисон — Даже мне?

Александр — Я вас не знаю. Почему вы решили, что мне есть что вам сказать?

Мэдисон — Возможно, у нас больше общего, чем вам кажется.

Александр — Не считая того, что мы оба скоро умрём?

Мэдисон — Скажите хотя бы, о чём ваша книга.

Он колеблется.

Александр — Это очень... личный роман.

Мэдисон — Значит, автобиографический?

Александр — Скажем, автофикшн, как теперь принято говорить.

Мэдисон — Вы поэтому не хотите его издавать? Слишком личное?

Александр — Для меня это скорее дневник. Не люблю выставлять душу напоказ. Стоит опубликовать — скажут, что на старости лет я ударился в сентиментальные любовные романы.

Мэдисон — А я думала, вам безразлично чужое мнение.

Александр — Видимо, до такой мудрости я ещё не дорос.

Мэдисон — До неё невозможно дорасти.

Александр — Не тратьте время на диссертацию обо мне. Поверьте, я того не стою.

Мэдисон — Для меня это важно.

Александр — Но почему? Живите своей жизнью, чёрт побери! Особенно если она может оборваться в любую минуту... Кстати, я вам не верю. Медицинские документы вы так и не показали.

Мэдисон — Если не верите, зачем всё-таки согласились со мной говорить?

Александр — Подумал: чтобы сочинить такую историю, у вас должна быть веская причина. Какая?

Мэдисон — Это немного сложно...

Александр — Значит, соврали. И сердце у вас здоровое.

Мэдисон — Скажем так... мои сердечные проблемы скорее символического характера.

Александр — Зачем вы всё это рассказали?

Мэдисон — Наверное, хотела разжалобить. Вы ведь собирались меня выгнать.

Александр — Могу и сейчас.

Мэдисон — Но не выгоните.

Александр — Это почему же?

Мэдисон — Потому что я вас заинтриговала.

Александр — Говорите, сердечные проблемы — символические. То есть... несчастная любовь?

Мэдисон — В каком-то смысле. Как и вы, я страдала из-за отсутствия любимого человека.

Александр — И при чём тут я?

Мэдисон — Скоро объясню, обещаю. Но сначала попрошу об одном одолжении.

Александр — Ну, попробуйте.

Мэдисон — Я хочу прочитать вашу рукопись.

Александр — С какой стати я должен её вам давать?

Мэдисон — Потому что в глубине души вы хотите, чтобы её кто-нибудь прочёл и высказал мнение. Писатель всегда пишет ради читателя... Ради признания. Ради любви.

Александр — Единственный человек, чьей любви я хотел добиться... исчез из моей жизни больше сорока лет назад.

Мэдисон — Где рукопись?

Он указывает на папку на столе.

Александр — Вот она.

Мэдисон — Можно посмотреть?

Она тянется к папке, но он её останавливает.

Александр — Нет!

Она медлит. Во взгляде мелькает печаль.

Мэдисон — Знаете, вы были правы. Вы действительно старый дурак. Оставайтесь здесь и жалейте себя дальше.

Она собирается уходить.

Александр — Подождите...

Он колеблется, затем берёт рукопись и протягивает ей.

Александр — Можете прочитать. Но с одним условием.

Мэдисон — Слушаю.

Александр — Рукопись не покинет эту квартиру.

Мэдисон — Боитесь, что я её скопирую и опубликую без разрешения?

Александр — Или соглашайтесь, или уходите.

Она берёт папку, взвешивает в руке.

Мэдисон — На чтение уйдёт немало времени.

Александр — Я не спешу. А вы?

Мэдисон — Я тоже.

Александр — Если хотите, можете устроиться в гостевой комнате. Ею почти никто не пользуется. Все мои друзья умерли...

Мэдисон — Благодарю за гостеприимство.

Александр — Не буду вам мешать читать.

Он выходит. Она погружается в рукопись.

Затемнение.

Мэдисон сидит в кресле и продолжает читать. Переворачивает последнюю страницу. Закрывает папку и ненадолго задумывается. Встаёт и смотрит в сторону окна напротив, со стороны зрительного зала. Александр входит с двумя чашками кофе. Одну ставит перед ней.

Александр — Вот. Только предупреждаю: без кофеина. Не надейтесь взбодриться.

Мэдисон — Спасибо.

Александр — Не смогли дочитать до конца?

Мэдисон — Только что закончила.

Александр — Уже? Невозможно. Наверняка пропускали страницы.

Мэдисон — Нет, уверяю вас.

Последовавшая тишина явно тревожит Александра.

Александр — Не обязаны говорить, что думаете... Особенно если вам не понравилось.

Мэдисон — Я проглотила её от первой до последней страницы. Всю ночь глаз не сомкнула.

Александр — Ну... Это немного успокаивает. Хотя я не думал, что написал триллер.

Мэдисон — Это ваша лучшая книга. В ней столько человечности, которой не хватало прежним.

Александр — Даже не знаю, считать ли это комплиментом... По отношению к остальным книгам, во всяком случае.

Мэдисон — Прежние романы были блестящими. А этот трогает до глубины души.

Александр — А вы заметили, насколько тема совпадает с вашей диссертацией?

Мэдисон — С моей диссертацией?

Александр — «Образ отсутствия в художественном мире Александра Делакруа». Уже забыли?

Мэдисон — Нет, конечно. И вы правы. История человека, который в двадцать лет выбрал себе в спутники призрак юношеской любви...

Александр — Первую любовь не забывают. Потому что тоскуют по молодости. По всему, что случилось впервые... Первой любви надо оставаться верным. Даже если не всегда удаётся хранить верность первой любимой женщине.

Мэдисон — Да, но это опасно. Так можно навсегда остаться в прошлом.

Александр — Как бы то ни было, от мечты нельзя отказываться. Значит, вы считаете, книгу стоит опубликовать?

Мэдисон — А если я скажу «да», вы это сделаете?

Александр — Вы ведь специалист по моему творчеству.

Мэдисон — Уверена, этот роман вернёт вам литературную славу. По-моему, он достоин Гонкуровской премии — самой знаменитой литературной награды Франции.

Александр — Ну не преувеличивайте. Я ценю ваше желание меня поддержать. Но похвала должна быть хоть немного правдоподобной.

Мэдисон — Я абсолютно искренна.

Александр — И, разумеется, совершенно беспристрастна.

Мэдисон — Вы сомневаетесь?

Александр — Не знаю... Что-то подсказывает мне: вы приехали в Париж не только ради диссертации о вышедшем из моды писателе.

Пауза.

Мэдисон — Да. Я рассказала вам не всю правду.

Александр — Сердце у вас здоровое, кота нет. Наверняка вы и не студентка.

Мэдисон — Правда в том, что я американка и приехала во Францию, чтобы встретиться с вами.

Александр — Вы уже несколько недель живёте напротив. Почему решились прийти только сейчас?

Мэдисон — Вчера утром я увидела из окна, как вы пытаетесь привязать к потолку эту верёвку. А потом достали пистолет.

Александр — Я не нашёл, к чему привязать верёвку.

Мэдисон — Я испугалась за вас. Подумала, что вы исчезнете раньше, чем я успею вас узнать. Бросилась сюда... И стала импровизировать.

Александр — Прекрасно сыграно. Вам бы выступать в театре. Но и на сцене, и в жизни не стоит верить всему, что видишь за занавесками. Порой это лишь иллюзия, отражение наших собственных фантазий...

Мэдисон — Значит, верёвка была не для того, чтобы повеситься?

Александр — А если я просто собирался... повесить люстру?

Мэдисон — А пистолет?

Он достаёт оружие из ящика.

Александр — Это может быть игрушка. Муляж, чтобы пугать воров... Или обыкновенная зажигалка. *(Нажимает на спусковой крючок. Из ствола появляется пламя.)* Которая, кстати, мне больше не нужна. Я так боюсь умереть, что бросил курить. Но всегда держу пачку сигарет под рукой — чтобы доказать себе, что могу устоять перед соблазном. Я отказался и от алкоголя, и даже от кофеина. Вот как я берегу здоровье.

Мэдисон — Значит, вы не собирались свести счёты с жизнью?

Александр — Не собирался. Во всяком случае, пока. А желание, возможно, было. По правде говоря, это единственное желание, которое у меня осталось: со всем покончить. Но для самоубийства нужна смелость. А её у меня нет. Или ещё недостаточно отчаяния. Да и зачем? Подожду своей очереди, как все.

Мэдисон — Значит, мы познакомились из-за простого недоразумения?

Александр — Мне трудно поверить, что человек пересёк Атлантику только ради интервью с таким писателем, как я. И в случайности я не верю. Так зачем вы здесь?

Мэдисон — Сейчас расскажу. Но сначала спасибо за честь стать первым читателем вашей рукописи.

Александр — Вам действительно понравилось?

Мэдисон — Это шедевр. Но у меня есть одно замечание.

Александр — Ну вот, начинается... А я-то удивлялся. Слушаю.

Мэдисон — Финал показался мне не вполне убедительным.

Александр — Вы правы. История не закончена. Словно ей не хватает эпилога.

Мэдисон — Возможно, я помогу вам его найти.

Александр — Вы тоже пишете? Приехали предложить соавторство? Да, вдохновения у меня стало поменьше, но до того, чтобы нанимать литературного призрака, который будет сочинять книги за меня, я ещё не дошёл.

Мэдисон — Нет, я пришла не за этим.

Александр — И диссертация — выдумка. Значит, весь этот спектакль вы устроили не ради привилегии побеседовать со мной о литературе?

Мэдисон — Нет. Не только ради этого.

Александр — Тогда зачем?

Мэдисон — По-моему, ответ — в рукописи, которую я только что прочитала. «Окно напротив»... Почему вы так назвали роман?

Александр — «Окно напротив» — окно квартиры, где вы сейчас живёте. Там когда-то жила женщина, которую я любил.

Мэдисон — И которая с тех пор не выходит у вас из головы.

Александр — Я часто мечтал, что она вернётся. Что однажды войдёт в мою дверь, как сегодня вошли вы.

Мэдисон — Поэтому вы всегда оставляете дверь открытой.

Александр — Иногда мне мерещилась тень за занавесками того окна. Когда вы поселились там и я видел ночью свет, мне казалось, что это она.

Мэдисон — Но там была всего лишь я.

Александр — Вы немного на неё похожи. Поэтому, когда я впервые увидел вас сегодня, невольно отшатнулся. На миг показалось, что это она. Двадцатилетняя. Потом я вспомнил, что сегодня ей было бы примерно столько же лет, сколько мне.

Мэдисон — Да, я на неё похожа.

Александр — Только не говорите, что вы её призрак.

Мэдисон — Нет, я настоящая.

Александр — Но есть кое-что ещё, верно?

Мэдисон — Да.

Александр — Почему вы сказали, что лицо на фотографии вам знакомо?

Пауза.

Мэдисон — Я её внучка.

Молчание.

Александр — Её внучка?

Мэдисон — Когда она отправилась в Афганистан, она была беременна. Узнала об этом вскоре после отъезда.

Александр — Беременна... от меня?

Мэдисон — Да.

Александр — Почему же она ничего мне не сказала?

Мэдисон — Вы сами говорили: другие времена. Она не хотела навязывать вам ребёнка. Решила, что сможет вырастить его одна. И вырастила.

Александр — Я ничего об этом не знал.

Мэдисон — И я тоже. Во всяком случае, до недавнего времени.

Александр — Когда вы узнали?

Мэдисон — Несколько лет назад. Когда мне исполнилось восемнадцать, бабушка рассказала эту историю. Историю вашей любви.

Александр — Значит, вы моя внучка...

Мэдисон — Да. Я ваша внучка. *(Пауза.)* Вы мне не верите?

Александр — Верю. Странно, после всех ваших выдумок именно в этом я ни секунды не сомневаюсь.

Мэдисон — Понимаю, вам трудно это принять. Не торопитесь. Вы мне ничего не должны. Если захотите, я уйду так же, как пришла, и больше никогда обо мне не услышите.

Александр — Останьтесь, прошу вас.

Мэдисон — Я здесь.

Пауза.

Александр — Я ещё могу понять, почему она тогда промолчала. Но потом?

Мэдисон — Я же говорила: не хотела навязывать вам отцовство. А потом потеряла ваш след.

Александр — Вскоре после её отъезда я съехал отсюда. Не мог каждый день смотреть на окно напротив: оно напоминало мне, что она уехала.

Мэдисон — Много лет назад она написала вам письмо. Но конверт вернулся с пометкой: «По указанному адресу больше не проживает».

Александр — Я вернулся сюда несколько лет назад. Именно чтобы написать эту книгу. Хотел избавиться от призраков прошлого.

Мэдисон — Но её призрак так и не оставил вас.

Александр — Конечно, в моей жизни были другие женщины. Но всю жизнь я жил воспоминанием о первой любви. Никого больше по-настоящему не любил.

Мэдисон — Она не знала, женаты ли вы, завели ли собственную семью.

Александр — Нет. Этого не случилось.

Мэдисон — Она узнала о вас, когда вы стали знаменитым писателем.

Александр — Я и добивался литературного успеха отчасти в надежде вернуть её. Хотел, чтобы слава помогла ей меня найти. Она могла связаться со мной тогда.

Мэдисон — Она боялась, что вы подумаете, будто вернулась из корысти, потому что вы теперь известный и успешный писатель.

Александр — Значит, у меня есть дочь...

Пауза.

Мэдисон — И про болезнь я солгала лишь наполовину. Слабое сердце было у моей мамы. Она умерла вскоре после моего рождения, даже не зная, кто её отец.

Александр — Мне очень жаль.

Мэдисон — Меня вырастила бабушка. Когда я стала совершеннолетней, она решила, что я должна знать, кто мой дед. Но сама связаться с вами не решилась.

Александр — И вы решили сделать это вместо неё. Приехали в Париж.

Мэдисон — Не хотела рассказывать такое письмом или по телефону. Сначала мне нужно было познакомиться с вами. Про вас говорили, что вы нелюдимый медведь. Если бы вы мне не понравились, я бы ничего не сказала и вернулась в Нью-Йорк.

Александр — Но я вас так радушно принял, что вы решили меня усыновить...

Мэдисон — И главное, я прочитала рукопись. Поняла, что вы никогда не забывали эту женщину. Мою бабушку.

Александр — Вы правильно сделали, что приехали... И рассказали мне конец этой истории.

Мэдисон — Это ещё не совсем конец. *(Александр потрясён.)* Вы в порядке?

Он прячет волнение за шуткой.

Александр — Я и так переживал из-за возраста. А тут вы объявляете, что я дед.

Мэдисон — Вы не рады?

Александр — Конечно, рад... Но одновременно узнаю, что у меня была дочь и что она умерла.

Мэдисон — Зато я здесь. Я почти не знала маму. А теперь нашла дедушку.

Александр берёт рукопись.

Александр — Я опубликую эту книгу. Посвящу её дочери, с которой мне так и не довелось познакомиться. И внучке, которая однажды без приглашения вломилась ко мне, практически взломав дверь...

Мэдисон — Дверь была открыта.

Александр — Но мне ещё нужно придумать настоящий финал.

Мэдисон — С этим я могу помочь, я же говорила.

Александр — Не уверен, что сердце выдержит, если вы преподнесёте ещё какой-нибудь сюрприз.

Мэдисон — Остался последний.

Александр — Говорите. Терять уже нечего.

Мэдисон — Моя бабушка жива.

Александр — И где она теперь живёт?

Мэдисон — В Нью-Йорке.

Александр — Тогда нежно обнимите её за меня.

Мэдисон — Вы можете сделать это сами.

Александр — Хотите увезти меня в Америку?

Мэдисон — Бабушка приехала со мной. Она в квартире напротив.

Пауза. Он совершенно растерян.

Александр — Вот теперь мне по-настоящему страшно.

Мэдисон — Она всё ещё очень красива. И никогда вас не забывала. Прочитала все ваши книги.

Александр — Но не захотела узнать, как живёт их автор.

Мэдисон — Вы сами говорили, что это не важно.

Александр — Та, кого нет в этом романе, — это она.

Мэдисон — Да. Но сам роман она ещё не читала. Не знала, помните ли вы её. Любите ли по-прежнему.

Александр — Я до сих пор люблю её. Эта книга — доказательство.

Он смотрит в сторону зрительного зала, туда, где находится окно напротив.

Мэдисон — Ну так что? Позвать её сюда?

Александр — Она пересекла Атлантику, чтобы меня найти. Уж я-то могу пройти через коридор, чтобы встретиться с ней.

Александр целует Мэдисон.

Мэдисон — Я оставлю вас наедине. Сами увидите: за окном напротив почти ничего не изменилось. И дверь по-прежнему открыта...

Он уходит. Мэдисон остаётся и смотрит в сторону окна.

Затемнение.

Конец

Об авторе

Жан-Пьер Мартинес родился в 1955 году в Овер-сюр-Уаз (Франция). Впервые он вышел на сцену как барабанщик нескольких рок-групп, затем работал семиологом в рекламе. Позднее стал сценаристом телевидения, а затем вернулся в театр уже как драматург. Он написал около ста сценариев для телевидения и 123 пьесы, некоторые из которых стали классикой его репертуара («Пятница, 13-е», «Стрип-покер»). Его пьесы ставились более чем в 100 странах и были переведены примерно на 50 языков.

Любительские и профессиональные театральные коллективы могут бесплатно скачать пьесы Жан-Пьера Мартинеса с его сайтов:

https://jeanpierremartinez.net/

https://comediatheque.net/

Однако право на публичное исполнение произведения охраняется законом, а авторское вознаграждение является справедливой оплатой труда драматурга. Независимо от того, является ли театр любительским или профессиональным, для постановки необходимо предварительно получить разрешение и уплатить соответствующее авторское вознаграждение.

Интересы Жан-Пьера Мартинеса представляет французское Общество драматических авторов и композиторов (SACD).

Чтобы связаться с Жан-Пьером Мартинесом и запросить разрешение на постановку одной из его пьес, воспользуйтесь контактной формой на его сайтах.

Недавно Жан-Пьер Мартинес вновь обратился к музыке и начал писать оригинальные песни по мотивам своих стихотворений и пьес.

В проекте Jean-Pierre Martinez Music он продолжает развивать свой творческий мир через авторские песни — маленькие музыкальные истории, то ироничные, то меланхоличные, порой напоминающие миниатюрные театральные сцены.

https://jeanpierremartinezmusic.com/

Все пьесы Жан-Пьера Мартинеса можно скачать бесплатно с его сайтов:

https://jeanpierremartinez.net/

https://comediatheque.net/

Настоящее произведение охраняется законодательством об авторском праве и международными соглашениями.
Любое использование произведения с нарушением авторских прав, включая его публичное исполнение без предварительного разрешения правообладателя, может повлечь гражданско-правовую, административную или уголовную ответственность в соответствии с применимым законодательством.

Авиньон — сентябрь 2026 г.
© La Comédiathèque – ISBN 978-2-38602-505-1

Пьеса доступна для бесплатного скачивания